

«Кроха» Москвина М.Л.

Когда я была маленькой, три года назад, моим соседям — Дане и Митьке — папа привез из пустыни Каракумы черепашонка. Я таких маленьких черепах никогда не видела. Он на Митькиной ладошке целиком помещался. Панцирь у него был мягкий, коготки на запятые похожи, нос приплюснутый, голова, лапы, хвост — в чешуйках, глаза черные, как у нашего пуделя Чипса.

Чипс очень удивился, когда ему черепашонка показали.

Понюхает-понюхает — и на нас смотрит: это еще кто такой!

Черепашонок сначала струсил и спрятался в панцирь — одни коготки торчали. Чипс ему, наверное, показался чудовищем. Потом расхрабрился и пошел вперевалочку на Чипса. Тот отскочил и залез под кровать.

— Вот это кроха! — сказал Даня.

Так и называли черепашонка — Кроха.

Ел Кроха все подряд — капусту, петрушку, сушеный клевер, укроп, морковь, яблоки. Поест — и бродит по квартире, пока нос не становится пушистым от налипших пылинок.

— Очень вредно, когда нос в пыли! — сказал Митька и построил Крохе из кубиков дом.

Там было много входов и выходов. Крохе это нравилось. Еще ему нравилось, когда Митька играл на пианино «Собачий вальс». Но больше всего Кроха любил ездить в открытом товарном вагоне на поезде по игрушечной железной дороге. Встанет на задние лапы, а передними на бортик опирается.

— Ту-ду-ду-у! — кричит Митька. — Чух-чух-чух! Поезд отправляется!

Едет поезд мимо игрушечных домов и бумажных деревьев. Кроха шею вытянет и вертит во все стороны головой, как иностранный турист.

Прошла зима. И вдруг с Крохой что-то случилось. Дают ему есть — не ест. Молока наливаем — отворачивается. Забьется в угол, голову втянет, но не спит — все думает о чем-то своем с открытыми глазами.

— Заболел, — решил Даня.

Митька положил черепашонка в варежку, и мы понесли его в ветеринарную лечебницу. Там была очередь — кошка, собака, завернутый в платок попугай, серый кролик с забинтованной лапой,

из муфты выглядывала морская свинка. Все были хмурые и сидели тихо.

Когда мы вошли в кабинет, доктор вынул из варежки Кроху и поднес его к большой яркой лампе. Кроха даже не зажмурился.

— Значит, говорите, похудел? Не ест, не играет, не слушает музыку... — Доктор долго и внимательно смотрел на Кроху. — Ну что ж, все ясно. Это ностальгия.

— Что? — спросили мы хором.

— Нос-таль-гия! — повторил доктор и выключил лампу. — Что в переводе означает «тоска по родине». Откуда привезли черепаху?

— Из пустыни.

— Из Каракумов.

— Значит, скучает по пустыне.

— А когда он перестанет скучать? — спросил Митька.

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками доктор.

— А вы дайте ему какое-нибудь лекарство! — не сдавался Митька.

— От этой болезни лекарств нет, — сказал доктор. — И я ничем не смогу вам помочь...

С огромных сосулк весело капала вода. Некоторые люди уже ходили без шапок. Начинался апрель! А мы шли и не знали, что делать.

— Слушайте, — сказала я. — Раз Крохе нужно домой...

— ...то давайте отправим Кроху в Каракумы! — закончил Даня.

— А Каракумы — это где? — спросил Митька, прижимая к себе варежку.

— Далековато, — сказал Даня. — Там, где Туркмения и Ашхабад. Только кто его туда повезет? Папа летом на Дальний Восток собирается.

— Но кому-то же надо сейчас в Ашхабад! — сказала я.

— Точно! — сказал Даня. — Поехали на вокзал!

— На аэровокзал! Самолетом быстрее.

У окошка рейса Москва-Ашхабад толпились пассажиры. Митька выбрал одного из них — серьезного, усатого, чем-то похожего на их папу.

— Дядя! — позвал его Митька.

— Вы меня? — удивился усатый.

— Вас! — сказали мы вместе.

Усатый подошел.

— Вот у нас тут в варежке черепашонок Кроха, — сказал Даня. — Возьмите его с собой.

— Зачем? — не понял усатый. — Я в Каракумы, там этих черепах полно!

— Понимаете, у него... ностальгия. Ему как раз тоже в Каракумы надо.

— Ну что ж, — покачал головой усатый, — надо так надо.

Он записал их адрес. Митька отдал ему варежку.

Потом мы видели, как он прошел в стеклянные двери, сел в автобус и уехал.

А через три дня пришла телеграмма:

КАРАКУМАХ ЦВЕТУТ ТЮЛЬПАНЫ

САМОЧУВСТВИЕ ХОРОШЕЕ НЕ СКУЧАЙТЕ